

Всё дальше и дальше во времени подвиг наших отцов и дедов, завоевавших великую Победу в самой ожесточённой и кровавой войне XX века. Но память об этом подвиге жива в наших сердцах и будет передаваться внукам, правнукам, их внукам и их правнукам.

К нашему счастью, ещё живы герои Великой Отечественной — отцы старшего поколения наших граждан, деды поколения сорокалетних. О них, участниках войны, сегодня наш рассказ. Об их жизни, о трудных ратных делах. И ещё — о школе, в которой они учились, откуда ушли на фронт, которая воспитала в своих стенах достойных сынов Отечества, поколение патриотов, грудью защитивших нашу страну и мир от фашизма.

Может быть, последнее поколение победителей...

«БОЕВОЙ ТОВАРИЩ» ЗВАЛ НА ПОДВИГ

Рассказ о моём отце

Ирина Лушагина

9 мая 2003 года

Возвращаясь из госпиталя в часть после второго тяжёлого ранения (третьего по счёту, одно из них было лёгким), младший политрук Василий Григорьевич Лушагин встретил знакомого штабиста. Тот радостно приветствовал однополчанина:

— Ну, брат, о тебе такая статья в «Боевом товарище» вышла, «Решение двенадцати» называется, ты ещё не читал? На весь наш 566-й стрелковый полк прославился. Я тебе достану эту газету в штабе, считаешь.

Лушагин действительно вскоре получил листок «Боевого товарища», прифронтовой газеты Сталинградского военного округа. Вспомнил он и автора статьи, журналиста и писателя Никиту Михеевича Шумило, который наведался к ним в подразделение сразу после того памятного боя в августе 1942-го...

Да, вот только подвиг ли это был, — размышлял политрук, — или же обычный ратный труд, к которому даже привыкаешь немного после целого года участия в боевых операциях? Впрочем, нет, какое там, привыкаешь! Разве можно привыкнуть к тому, что так часто гибнут лучшие друзья, самые близкие тебе сейчас люди? Или к тому, что проклятые фашисты, с востока обойдя его несломленный родной город Москву, с остервенением жгут и топчут в эти минуты плодородные придонские земли, разоряют утопающие в садах хутора и станицы — рвутся к важному для них стратегическому объекту — Сталинграду!

Как там в стихах у любимого бойцами поэта, а к тому же ещё и командира отдельного сапёрного батальона Николая Грибачёва, который сражался тут же, на одном с ними боевом рубеже? Его «Письмо с Дона», напечатанное в «Боевом товарище», поистине воодушевляло солдат и командиров:

О, мать матерей, о Россия!
В обломках лежат города,
Блистают зарницы косые,
Привольные степи донские
Проклятая топчет орда.

И чёрные дула орудий
Кубани и Волге грозят.
Вы слышите, русские люди?
Пощады фашистам — не будет.
Довольно! Ни шагу назад!

И вот в руках у Василия Лушагина заметка о нём самом и о командире взвода, лейтенанте Грохотове в газете «Боевой товарищ», да ещё под рубрикой «Орлы боевые». А соседствует она с пламенными строками другого фронтовика — Ильи Эренбурга — «Защитим Сталинград!» («Каждый домишко может стать крепостью...») и со сводками Совинформбюро: «В ночь на 10 сентября наши самолёты бомбардировали города Восточной Германии...»

А внизу этого пожелтевшего, чудом уцелевшего газетного листка, под рубрикой «Боец, помни и мсти!» разместились краткие сообщения:

«Как немцы пытали нашего товарища» и «Фашистский плен хуже смерти». И — подпись выпускающего редактора газеты: Н. Филиппов. Позже, уже после войны, полковник Филиппов выпустит замечательную документально-художественную книгу о фронтовых событиях 1942–1943 гг., переломивших весь

ход войны, — «Северо-западнее Сталинграда» (М.: Воениздат, 1952).

Здесь же мы приведём полностью статью «Решение двенадцати» Н. Шумило из «Боевого товарища» от 12 сентября 1942 года (см. с. 159)

А теперь слово самому герою повествования, инвалиду войны, кавалеру двух орденов Великой Отечественной войны — I и II степени, ордена Красной Звезды, обладателю более двадцати воинских медалей, 84-летнему полковнику в отставке Василию Григорьевичу Лушагину:

— Самое трудное для меня было в начале войны — не спать сутками

да ещё совершать марш-броски в таком полусонном состоянии. Помню, как-то в августе 1941 года доставили наш 759-й стрелковый полк 163-й стрелковой дивизии поездом до станции Бологое.

А дальше — многочасовой переход колонной в направлении Старой Руссы,

Младший политрук. 1942

на поле боя. Идём, глаза у меня слипаются, веки как свинцом налиты. Состояние мучительнейшее; кажется, будь моя воля — в любой бы кустик у дороги, на любую кочку головой улёгся бы да и заснул крепко. Хорошо, хоть падать-то было некуда: вокруг — плотным кольцом — такие же измученные, тяжело бредущие люди.

А был я тогда ещё почти не обстрелянным, только-только из военного училища, младшим политруком стрелковой роты. И вдруг в мозгу — как вспышка — мысль: «Если я, политрук, отвечающий за боевой дух солдат, в таком состоянии, то как же другие держатся? Усилием воли встряхнулся, огляделся по сторонам — и давай бойцов подбадривать, шутить, рассказывать что-то, даже стихи, помнится, тогда читал. Благо, я много стихов на память знал: сказался хоть и короткий, но свой опыт учительства в школе — в подмосковной деревне Симоновка Шаховского района, из которого я родом. Это потом уже, в 1939-м, были и служба в армии в Забайкалье, затем ФЗУ, и работа

Решение двенадцати

Бывает такая минута, может быть, самая главная в жизни, когда нужно принять решение только одно, единственно верное, — не прозевай этой минуты. Совесть поможет тебе узнать твоё время. Тогда решай отважно — и ты решишь верно. А сознание того, что главный поступок твоей жизни правильный, вселит в твоё сердце глубокую радость. И верь: ничего нет дороже этой радости.

Всю ночь шёл бой. Перед утром наступило то особое затишье, когда и малейший треск сухой ветки кажется выстрелом. В лесочке было влажно, свежо.

Младший политрук Лушагин положил автомат на траву, чтобы рука отдохнула. Пальцы в суставах одеревенели и с трудом сгибались. И только теперь Лушагин почувствовал, как он устал. Перенапряжение исчерпало его до донышка, глаза слипались, голова клонилась к земле, каждый мускул умолял: усни. Глазам было больно, словно в них попала мелкая пыль. И вдруг он с тревогой подумал, что в таком состоянии все бойцы. Мысль о других как бы открыла скрытый раньше запас сил и бодрости, сон улетел, усталости как не бывало. Лушагин поднялся и пошёл в обход. Бойцы видели политрука бодрого и сами бодрелись.

А днём схватка завязалась ещё более жестокая. Сначала бой открылся фронтально. Немцы двигались на рощу несколькими цепями. Их поддерживали несколько станковых пулемётов и миномётная батарея. И вот лейтенант Грохотов

и младший политрук Лушагин с десятью автоматчиками сдерживали этот бешеный натиск врага. Попытка выбить в лоб — немцам не удалась. Тогда они обошли с флангов, одновременно обстреливая в лоб. Сперва Лушагин подумал: стреляют разрывными. — Немцы всегда стреляют разрывными, когда хотят создать впечатление, что окружают. Ветви рассекаются и падают в разные стороны. И кажется: пули свистят со всех сторон. Но вскоре убедился: в самом деле фланги обстреливаются сильным огнём. Стрелокня очередей в рощице не умолкала. Ветви подстригались пулями в разных направлениях. Рыли землю и рвались в верхушках деревьев мины. Стволы дрожали смертельной дрожью. Срезанная крона молодого дубка с шумом опустилась и повисла между деревьями, не достигнув земли.

Грохотов расположил автоматчиков дугою. Можно было ещё совсем замкнуть кольцо и драться до последнего патрона. Грохотов об этом уже подумал. За одну ночь он исхудал, или это под каской лицо его, озабоченно строгое, потемневшее, казалось длиннее. Мельком взглянув на него, Лушагин подумал: с таким можно выдержать всё, — и с задором уложил очередью ещё несколько немцев.

Но силы были всё же неравные, чудовищно неравные. Положение становилось всё тяжелее и тяжелее. Тогда Лушагин ползком передвинулся к бойцу слева.

— Какое положение, тебе ясно?

— Ясно.

— Думай не о том, как выбраться отсюда, а как больше уложить немцев. Понятно?

Боец кивнул головой. Лушагин передвинулся дальше, поговорил со всеми. Решили не отступать, решили умереть на правом берегу Дона бойцы, командир и комиссар. Крепче сжали автоматы в руках. Косили немцев сколько могли, а полукольцо врага сжималось и сжималось, но немцы гибли раньше, их трупы торчали вдоль дороги, как пни, немцы дорого платили за жизнь двенадцати отважных.

В минуту затишья, лёжа плечом к плечу с Грохотовым, Лушагин вспомнил, что уже сутки он не ел ничего, и есть ему не хотелось. Только страшно устал, но теперь уже отдых не нужен. Напишут о них: были стойкими до конца. А командир и комиссар скажут о них такие слова, что каждого возьмёт за душу. И Лушагин с озорством, с каким умирали когда-то запорожские казаки, сказал:

— Закурить бы, Грохотов. А? Последний разочек.

Но курить не было времени. Успели только диски переменить в автоматах. Автоматы застрочили снова.

Бой длился долго. Двенадцать автоматчиков навалили немца, как леса в порубку. Прибежал связной. Боевая задача взвода была выполнена. И только тогда, после суточного боя, автоматчики вышли из полукольца. Но они уже побывали на вершине подвига и узнали, как вольно дышится на этом взгорье. Их уже непрестанно будут влечь горные высоты героических поступков.

Н. Шумило

«Боевой товарищ».
12 сентября 1942 г.

сталеваром в г. Электростали, и учёба в Московском военно-политическом училище им. В.И. Ленина. А тогда мне очень помогли мои скромные педагогические навыки... Так и прошли мы весь этот тяжёлый переход».

Быть может, именно тогда, в августе 1941 года, в преддверии первых серьёзных боёв за Родину, и наступил для В.Г. Лушагина «момент истины», открылось молодому политработнику, в то время кандидату

Заседание партбюро полка. 1943

Гвардии капитан. 1944

в коммунисты, его жизненное предназначение — поддерживать окружающих его людей, тех, кому трудно, да отдавать все силы общему делу...

А впереди у него ещё были четыре года сражений в матушке-пехоте, и молодое желание подвига, и вылазки во вражеский стан, и... ранения, которые и сегодня

не дают о себе забыть ветерану. Особенно одно, полученное им в 1942-м, под Сталинградом: возвращаясь из разведки и переплывая Дон в среднем его течении, Лушагин получил самое тяжёлое своё ранение.

Рядом в воде разорвалась вражеская мина, — множество мелких осколков вонзилось ему в ноги, а один, наиболее крупный, засел в груди. В госпитале врачи даже не рискнули извлечь этот кусок металла, только «залатали дырки», и он вскоре снова встал в строй. Да иначе и быть не могло! Вот только носит с тех пор фронтовик, уже 60 лет кряду, эту боевую «награду» в груди да «украшен» не в меру шрамами.

Но наступил и май 1945 года. Победу гвардии капитан Василий Лушагин встретил под Прагой, в составе 196-го армейского запасного стрелкового полка, 3-й гвардейской стрелковой армии. Такого сияющего, солнечного, полного цветами и улыбками мая ему, пожалуй, не доводилось ещё видеть. Ну, разве что на открытках с довоенными рисованными видами «Златой Праги», которые бережно привезёт он потом домой, на память о тех днях. Много позже этот красочный набор очень полюбили рассматривать трое детей Василия Григорьевича, особенно я, старшая. Прага, с её старинными мостами и башенками, казалась мне каким-то нереальным, сказочно прекрасным городом.

Отблески этого пронзительного, завоеванного такой дорогой ценой мирного счастья сквозят и на фотографиях того времени. Например, на тех, где молодые наши офицеры с чудесными девушками-медиками выбрались отдохнуть на Влтаву — в Либчице под Прагой. Первый мирный выходной! (См. фото на 2-й стороне обложки.) Тогда сама природа, неизменная своей красотой, видимо, простившая военным их невольную перед ней вину, щедро вливала новые силы в израненные души победителей.

...В подмосковном дачном посёлке Ядрошино, что по Волоколамскому шоссе, как обычно, яблочная страда, сбор богатого урожая. Конечно, это у тех садоводов, кто трудится, ухаживает за деревцами. Вот в саду у пенсионера Лушагина, например, яблок — только успевай собирать (жена его Вера Андреевна — моя мама — потом чуть не всё лето занята варкой варенья). Ведь на шести сотках здесь яблонь — почти полста сортов, груш — с десятков и все они — на дюжине-другой деревьев. Бывший фронтовик, позже полковник Главного управления железнодорожных войск, неоднократно избиравшийся секретарём парторганизации воинской части, наставник молодёжи, а затем — ведущий специалист отдела вузов МПС, Василий Григорьевич ныне — увлечённый селекционер-любитель. Поэтому и приходят к нему за советом или просто полюбоваться на диковинки соседи-дачники:

— Как это у вас получается, что груши прямо на черноплодной рябине выросли, сливы и вишни такие сочные, виноград растёт? Чудеса, да и только!

Отец в ответ только довольно улыбается и ведёт гостей показывать новые, выращенные им сорта фруктов, предлагает желающим черенки деревьев. Сам же в этом году твёрдо вознамерился вырастить у себя особый, гибридный сорт алычи. Её уже с нетерпением ждут дети, внуки и правнуки, ежегодно приезжающие сюда в летнюю пору.

А чудес здесь никаких нету. Просто любит бывший солдат землю и её плоды

Ветеран в своём саду

да гордится построенным своими руками, вместе с двоюродным братом Леонидом, домом. Ведь не зря же он крестьянский сын — ему ли страшиться тяжёлой работы! Кстати, и родом он из этих самых мест, где возделывает сейчас свой сад, из деревни Дулепово Шаховского района. И до недавнего времени, пока ещё были силы преодолевать нелёгкие просёлочные дороги, частенько навещался на свою малую родину: там и поныне живут и здравствуют скромные и честные сельские труженики — его двоюродные и троюродные братья, сёстры, их дети...

А проезжая по Волоколамке одно достопамятное для всего нашего народа место — разъезд Дубосеково, где в ноябре 1941-го вели неравный бой с врагом 28 панфиловцев, воины 316-й стрелковой дивизии во главе с политруком Василием Клочковым (18 подбитых фашистских танков, почти все герои погибли, но не подпустили врага к Москве!), Василий Лушагин всегда горестно вздыхает: тот Василий тоже был политрук! ■